

Обзор дисциплинарной практики за 2019 год по вопросам, связанным с заключением соглашений на защиту третьего лица

1. В ситуации, когда отношения между лицом, заключающим соглашение на защиту, и лицом, получающим юридическую помощь, очевидно не прослеживаются, адвокатам следует, проявляя разумную предусмотрительность, более детально и глубоко подходить к вопросу о получении согласия обвиняемого (подозреваемого) на защиту избранным третьим лицом адвокатом. Адвокату объявлено замечание за несоблюдение этих требований и вступление в дело в качестве защитника в отсутствие согласия лица, которому оказывается юридическая помощь.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрев в закрытом заседании в 30 апреля 2019 года дисциплинарное производство в отношении адвоката Б., возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 05 декабря 2018 года, установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 27 марта 2019 года адвокат Б. допустил нарушение взаимосвязанных положений п. 2 ст. 6, п.п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 4 ст. 49 УПК РФ и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («участвуя в судопроизводстве, ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства»), выразившееся в оформлении ордера № ... от 20 июля 2018 года на защиту И. и вступлении 20 июля 2018 года в уголовное дело № ..., находившееся в производстве Следственного управления МУ МВД России «...», в качестве защитника И. в отсутствие его согласия.

Адвокат Б. в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии не согласился, представил в Совет письменные возражения от 17 апреля 2019 года (вх. № ... от 17.04.2019) и дополнительно указал, что проведенный им анализ законодательства свидетельствует о том, что его действия не нарушают закон, Кодекс профессиональной этики адвоката и соответствуют Стандарту осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве. Ни одним уполномоченным органом не установлен факт нарушения им УПК РФ. Ордер не был исключен из дела. С подзащитным не было ни одной встречи. После встречи со следователем И. позвонил и отказался от его помощи. Адвокат Б. предложил И. встретиться с ним. В материалах уголовного дела есть информация о том, что И. был в курсе, что адвокат Б. входит в дело. Как только И. отказался от его услуг, все последующие действия адвоката Б. были направлены на исполнение воли и интересов И. В соответствии со Стандартом осуществления адвокатом защиты

в уголовном судопроизводстве при заключении соглашения в интересах третьего лица согласие берется только при встрече. Процессуальные полномочия защитника возникают при вступлении в дело. В момент заключения соглашения адвокату Б. не предоставили информацию о подзащитном. Адвокат Б. интересовался о подзащитном у иных лиц, но ему никакой информации не сообщили. В материалах дела он видел очные ставки и знал о группе лиц. После отказа И. от помощи адвоката Б., последний встретился с лицом, подписавшим соглашение об оказании юридической помощи, и расторг его. Адвокат Б. не может объяснить, почему И. написал на него жалобу. Противоречия в содержании ходатайства, поданного им следователем и представленном в материалы дисциплинарного производства, объясняются тем, что само ходатайство было в одном экземпляре, а в компьютере остался рабочий вариант.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии согласилась.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав адвоката Б. и представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что 18 июля 2018 года между адвокатом Б., осуществляющим свою деятельность в адвокатском кабинете, и М. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № .../2018 от 18 июля 2018 года, в соответствии с которым адвокат Б. обязался осуществлять защиту И. в Следственном управлении МУ МВД России «...». Гонорар по заключенному соглашению составил 10.000 рублей. Гонорар уплачен не был в связи с предоставлением адвокатом Б. доверителю М. отсрочки. М. с И. не знаком, со слов М., он заключил соглашение на защиту И. по просьбе своего знакомого М-о.

Из заявления М-о от 04 марта 2019 года следует, что он лично был знаком с И., до конца июля 2018 года их связывало периодическое общение. Отношения с И. прекращены с августа 2018 года по причине конфликта. Поиск адвоката для защиты И. осуществлялся по инициативе М-о, «обусловленной бескорыстным желанием помочь И.». И. факт своего знакомства с М-о не подтвердил.

20 июля 2018 года И. подал на имя судьи ... городского суда М-й области собственноручное заявление, в котором просил избрать в отношении Г. меру пресечения в виде заключения под стражу в связи с тем, что ему (И.) от неизвестных лиц поступают угрозы, чтобы он изменил показания, а Г. избежал наказания. При подаче данного заявления присутствовала защитник И. – адвокат Г- а.

В этот же день (20 июля 2018 года) И. обратился с заявлением на имя следователя Следственного управления МУ МВД России «...» О., в котором

просил провести его дополнительный допрос в связи с тем, что ранее в ходе очной ставки с Г. он дал показания о непричастности последнего к совершению мошенничества, поскольку на него оказывалось давление со стороны неизвестных лиц, которые под угрозой заставили его изменить показания. При подаче данного заявления также присутствовала защитник И. – адвокат Г-а.

20 июля 2018 года адвокат Б. вступил в уголовное дело в качестве защитника И., представив следователю Следственного управления МУ МВД России «...» О. ордер № ... от 20 июля 2018 года на защиту И. При этом согласия И. на осуществление его защиты на основании заключенного с М. соглашения адвокатом Б. получено не было.

После вступления в уголовное дело адвокатом Б. на имя следователя было заявлено ходатайство от 20 июля 2018 года, выполненное машинописным способом и содержащее просьбу ознакомить его «с постановлением о возбуждении уголовного дела, объяснениями И., протоколом допроса свидетеля И., протоколом допроса И. в качестве подозреваемого, постановлением об избрании меры пресечения в отношении И., всеми иными документами, касающимися И.».

Постановлением следователя Следственного управления МУ МВД России «...» старшего лейтенанта юстиции О. от 20 июля 2018 года указанное ходатайство было удовлетворено, адвокат Б. ознакомился с документами, перечисленными в п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, и сфотографировал их. Среди документов, с которыми ознакомился адвокат Б., были протокол дополнительного допроса подозреваемого И. от 20 июля 2018 года, содержащий показания о том, что на него оказывается давление со стороны второго соучастника совершенного преступления – подозреваемого Г., а также со стороны лиц, представляющихся представителями Г., и заявление И. от 20 июля 2018 года в ... городской суд М-й области с просьбой об избрании в отношении Г. меры пресечения в виде заключения под стражу в связи с оказываемым на И. давлением.

20 июля 2018 года, после того, как И. от следователя О. стало известно, что в уголовное дело в качестве его защитника по соглашению вступил адвокат Б., И. следователю была передана его собственноручная жалоба в Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 20 июля 2018 года, а также поданы два заявления от 20 июля 2018 года об отказе от защитника Б., в которых сообщается, что И. и его родственники с адвокатом Б. соглашения на защиту И. не заключали, своего согласия на осуществление защиты И. адвокату не давал, отказывается от него и просит, чтобы его защиту по уголовному делу осуществляла адвокат Г-а.

23 июля 2018 года следователем Следственного управления МУ МВД России «...» старшим лейтенантом юстиции О. вынесено постановление о привлечении И. в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ.

23 июля 2018 года в отношении Г. ... городским судом М-й области избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

23 июля 2018 года соглашение на защиту И. по инициативе М. было расторгнуто.

Постановлением ... городского суда Московской области от 27 декабря 2018 года уголовное преследование И. прекращено за примирением сторон.

Уголовное дело в отношении Г. ... городским судом М-й области рассмотрено в особом порядке. Приговором суда от 27 декабря 2018 года Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на один год. На основании ст. 73 УК РФ суд постановил назначенное наказание считать условным с испытательным сроком в два года.

Давая оценку действиям (бездействию) адвоката Б., Совет соглашается с правовым обоснованием Квалификационной комиссией ненадлежащего профессионального поведения адвоката в описанной ситуации.

Между адвокатом Б. и доверителем М. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № .../2018 от 18 июля 2018 года в интересах третьего лица – И., на защиту последнего по уголовному делу, находящемуся в производстве Следственного управления МУ МВД России «...».

В соответствии с п.п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В силу положений п. 1, 2 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

В силу ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в уголовном деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

Квалификационная комиссия в своих Заключениях, а Совет в своих Решениях уже обращали внимание на особенности заключения соглашения об оказании юридической помощи подозреваемым или обвиняемым с третьими лицами. В подобных правоотношениях наиболее проблемным вопросом является получение поручения или согласия обвиняемого (подозреваемого) на

защиту его прав и законных интересов избранным третьим лицом адвокатом. Приведенные нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем, требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвокатов тщательно подходить к этому вопросу, не допуская появления сомнений в достоверности такого согласия (поручения). В связи с этим, адвокатам следует обращать внимание на лиц, заключающих соглашение в интересах подозреваемых или обвиняемых.

Как правило, не вызывает сомнений ситуация, когда близкий родственник (родители, братья и сестры и др.) или супруг(-а) заключают с адвокатом соглашение на защиту подозреваемого или обвиняемого. Родственные или свойственные отношения таких лиц сами по себе являются достаточным основанием для вывода о законном гуманитарном интересе, который они преследуют, заключая соглашение с адвокатом.

Между тем, в ситуации, когда такие отношения между лицом, заключающим соглашение на защиту, и лицом, получающим юридическую помощь, очевидно не прослеживаются, адвокатам следует, проявляя разумную предусмотрительность, более детально и глубоко подходить к вопросу о фиксации сведений в соглашении об оказании юридической помощи и принятии поручения.

Аналогично этому должен решаться и вопрос о получении согласия обвиняемого (подозреваемого) на защиту избранным третьим лицом адвокатом. Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация, явно подтверждающая факт дачи такого согласия, или конклюдентная форма, позволяющая вне разумных сомнений, открыто и достоверно прийти к выводу, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат состоят в коммуникации между собой, и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о дачи согласия на защиту.

Когда же получить письменное согласие невозможно по объективным причинам или согласие посредством конклюдентного поведения не позволяет достоверно установить наличие коммуникации между адвокатом и доверителем, то адвокатам следует особо тщательно подходить к вопросу о возможности принятия поручения и верификации доверителя.

В рассматриваемой ситуации Совет обращает внимание на то, что на момент заключения соглашения об оказании юридической помощи подозреваемый И. не содержался под стражей, о чем было известно адвокату Б. Заключивший соглашение с адвокатом Б. – М. с И. знаком не был и заключал соглашение по просьбе своего знакомого М-о. В момент заключения соглашения М. не сообщил адвокату Б. номер телефона И., адрес его проживания и иные контактные данные о нем, указав лишь, что 20 июля 2018 года И. будет находиться в кабинете следователя О. в СУ МУ МВД России «...». Отсутствие информации о доверителе, который находится на свободе и не скрывается от правоохранительных органов, является одним из признаков, заставляющих разумного и добросовестного адвоката особо тщательно решать

вопрос о возможности принятия поручения или не вступать в уголовное дело до получения явно выраженного согласия доверителя на его защиту.

При таких обстоятельствах Совет признаёт, что адвокат Б. перед вступлением в уголовное дело должен был получить согласие подозреваемого И. Как правильно отметила Квалификационная комиссия, вступление адвоката Б. в уголовное дело не было обусловлено наличием исключительных либо не терпящих отлагательства обстоятельств. Вступление адвоката Б. в уголовное дело не 20 июля 2018 года, а через несколько дней после получения недостающей информации о своем доверителе - И., и получения согласия от него, не ухудшило бы процессуальное положение последнего, но являлось бы необходимой гарантией исполнения всех профессиональных этических требований.

Оценивая доводы адвоката Б., изложенные в возражениях от 17 апреля 2019 года (вх. № ... от 17.04.2019), и в устных объяснениях, данных в заседании Совета 30 апреля 2019 года, Совет обращает внимание, что вступление адвоката в уголовное дело имеет своей целью оказание юридической помощи доверителю, а не получение контактных данных о своем доверителе. Поэтому утверждение адвоката Б. о том, что вступление его в уголовное дело было обусловлено поиском информации о доверителе, Совет признаёт несостоятельным. Из установленных фактических обстоятельств следует, что адвокат Б. до вступления в уголовное дело имел возможность и должен был получить информацию о своем доверителе и после получения согласия от него вступить в уголовное дело. Очевидно доступными адвокату Б. способами получения такой информации были, например, просьба к М. позвонить И. с целью передачи телефона (адреса электронной почты и т.п.) адвоката Б. или обмена указанной информацией в целях установления коммуникации без посредников. Тем более, что М. заверил адвоката Б. в том, что И. знает, согласен и не возражает против заключения с ним соглашения (С. 2 возражений). Такой алгоритм поведения мог привести к желаемому результату менее чем за два дня. Между тем, адвокат Б. не предпринял никаких активных действий, направленных на получение согласия И. Поэтому Совет не может согласиться с адвокатом Б. в том, что им «были предприняты честные, разумные и добросовестные действия, направленные на встречу с подзащитным, согласования с ним всех вопросов относительно соглашения и вступления в дело» (С. 4 возражений).

Доводы адвоката Б., основанные на анализе ст. 50 УПК РФ, якобы содержащей термин «допуск», «о допуске», «допускается» применительно к защитнику, являются явно ошибочными, поскольку основаны на устаревшем и недействующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Что же касается тезиса адвоката Б. со ссылкой на «Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве», принятый 20 апреля 2017 года VIII Всероссийским съездом адвокатов, то его содержание не предусматривает такого обязательного алгоритма, когда адвокат сначала вступает в уголовное дело, а только потом получает согласие на его защиту от

подозреваемого или обвиняемого. Исходя из подпункта «г» пункта 4 указанного Стандарта, получение согласия доверителя на оказание ему юридической помощи после вступления в уголовное дело допускается в ситуации, когда к подозреваемому или обвиняемому применена мера принуждения, ограничивающая личную неприкосновенность (задержание, применение меры пресечения в виде заключения под стражу и т.п.). Более того, «последовательность и достаточность совершения защитником действий в соответствии со Стандартом определяются в том числе конкретными обстоятельствами уголовного дела», ввиду чего не могут быть обязательными для всех без исключения ситуаций.

При указанных обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Б. опровергнутой, а его вину в совершении вышеуказанного нарушения установленной.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката Б. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно является умышленным и основано на ошибочном толковании положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, в указанной выше части. Вместе с тем, Совет учитывает тот факт, что период времени, в котором имело место совершение дисциплинарного проступка, составляет 5 суток, и оно не повлекло ущемления прав И. Совет также учитывает, что адвокат Б. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. С учётом совокупности установленных по делу обстоятельств Совет приходит к выводу о применении к адвокату Б. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

2. Совет применил к адвокату меру дисциплинарного взыскания в виде предупреждения за заключение с третьим лицом соглашения на защиту, не получив согласия подзащитного, и включение в жалобу прокурору сведений из неустановленного источника.

Совет Адвокатской палаты города Москвы ..., рассмотрев с участием адвоката Ч. и его представителя – адвоката П. в закрытом заседании 30 апреля 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч., возбужденное по жалобе С. от 26 декабря 2018 года (вх. № ... от 10.01.2019), установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 13 марта 2019 года адвокат Ч. допустил ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед

доверителем С. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении; избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»), что выразилось в том, что, заключив с Г. Соглашение № ... от 23 октября 2018 года на защиту С., адвокат не получил согласия С. на оказание юридической помощи и включил в жалобу на имя Прокурора Центрального административного округа города Москвы, поданную в качестве представителя С. на личном приеме 27 ноября 2018 года, полученные из неустановленного источника сведения о причастности С. к совершению хищения денежных средств ООО «...».

Адвокат Ч. с Заключением Квалификационной комиссии не согласился, указав в заседании Совета 30 апреля 2019 года, что после заключения соглашения об оказании юридической помощи с Г., он неоднократно задавал последнему вопрос – имеется ли у него (Г.) доверенность от С. В итоге Г. показал ему доверенность в марте месяце. Только после этого адвокат Ч. начал представлять интересы С. По мнению адвоката Ч., жалоба обусловлена позицией С. по уголовному делу в отношении него. В жалобе отсутствуют сведения, изобличающие С.

Представитель адвоката Ч. – адвокат П. – в заседании Совета 30 апреля 2019 года просил не лишать статуса адвоката Ч., а применить к нему вид дисциплинарного взыскания – предупреждение.

Рассмотрев настоящее дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии от 13 марта 2019 года и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что 23 октября 2018 года между адвокатом Ч., осуществляющим свою деятельность в Коллегии адвокатов «...», и гражданином Г. было заключено Соглашение № ... на оказание юридической помощи гражданину С. В соответствии с заключенным соглашением адвокат Ч. принял на себя поручение подготовить в интересах С. жалобу по уголовному делу № ... в порядке ст. 124 УПК РФ, в том числе: ознакомиться с представленными Доверителем материалами уголовного дела; провести консультации гражданина С. по вопросам исполнения настоящего поручения; согласовать с гражданином С. текст жалобы и сроки ее подачи. На момент обращения к адвокату Ч. в целях заключения Соглашения № ... от 23 октября 2018 года гражданин Г. с заявителем С. знаком не был, а, соответственно, действовать по его поручению и в его интересах не мог.

28 ноября 2018 года Коллегией адвокатов «...» адвокату Ч. выдан ордер № ... Тогда как еще 27 ноября 2018 года адвокатом Ч. в качестве представителя С. на личном приеме была подана жалоба на имя Прокурора ЦАО города Москвы, к которой был приложен ордер.

В поданной адвокатом Ч. жалобе на имя Прокурора ЦАО города Москвы указывалось, в частности, следующее: «После прекращения полномочий генерального директора С. неоднократно звонили контрагенты с претензиями об оплате задолженности, как следовало из разговоров, ООО «...» перестало выполнять обязательства по оплате задолженности перед контрагентами. С. поясняет, что В. выводил денежные средства с расчетного счета ООО «...» в офшоры, то есть занимался легализацией (отмыванием) денежных средств организации, и после того, как В. подкладывал на подпись генеральному директору С. незаконные поручения, С. сказал, что обратится в правоохранительные органы, после чего В. говорил, что у него имеются связи в правоохранительных органах, и он добьется того, что С. окажется в тюрьме. И пояснял, что генеральный директор несет всю ответственность».

Давая оценку действиям адвоката Ч., Совет соглашается с правовым обоснованием Квалификационной комиссией ненадлежащего профессионального поведения адвоката в описанной ситуации. Адвокат Ч., заключив с Г. соглашение, в предмет которого входит подготовка жалобы по уголовному делу и ее подача в интересах С., по своей сути, заключил соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица.

В соответствии с п.п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В силу положений п. 1, 2 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгнуть или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

Учитывая действия, которые должен совершить адвокат Ч. для подготовки жалобы, указанные в соглашении об оказании юридической помощи – «ознакомиться с представленными Доверителем материалами уголовного дела; провести консультации гражданина С. по вопросам исполнения настоящего поручения; согласовать с гражданином С. текст жалобы и сроки ее подачи», а также правовую ситуацию, в которой оказался С. (после своего увольнения с должности Генерального директора ООО «...» С. перечислил денежные средства третьим лицам), Квалификационная комиссия правильно дала оценку заключенному соглашению как соглашению на защиту третьего лица – С. в уголовном судопроизводстве с применением

правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ в Постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова». В связи с этим, на взаимоотношения между адвокатом Ч. и его доверителем – С. должны распространяться положения ч. 1 ст. 50 УПК РФ о приглашении защитника иными лицами по поручению или с согласия обвиняемого.

Квалификационная комиссия в своих Заключениях, а Совет – в своих Решениях уже обращали внимание на особенности заключения соглашения об оказании юридической помощи подозреваемым или обвиняемым с третьими лицами. В подобных правоотношениях наиболее проблемным вопросом является получение поручения или согласия обвиняемого (подозреваемого) на защиту его прав и законных интересов избранным третьим лицом адвокатом. Приведенные нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем, требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвокатов тщательно подходить к этому вопросу, не допуская появления сомнений в достоверности такого согласия (поручения). В связи с этим, адвокатам следует обращать внимание на лиц, заключающих соглашение в интересах подозреваемых или обвиняемых.

Обычно не вызывает сомнений ситуация, когда близкий родственник (родители, братья и сестры и др.) или супруг(-а) заключают с адвокатом соглашение на защиту подозреваемого или обвиняемого. Родственные или свойственные отношения сами по себе являются достаточным основанием для вывода о законном гуманитарном интересе, который такие лица преследуют, заключая соглашение с адвокатом. Однако и в этом случае адвокат не освобождается от обязанности получить согласие лица, на защиту интересов которого заключено соглашение, во время первого свидания с ним, а если оно невозможно по объективным причинам – иным доступным способом при первой возможности в разумно короткий срок.

Между тем, в ситуации, когда отношения между лицом, заключающим соглашение на защиту, и лицом, получающим юридическую помощь по такому соглашению, очевидно не прослеживаются, адвокатам следует, проявляя разумную предусмотрительность, более детально и глубоко подходить к вопросу о фиксации сведений в соглашении об оказании юридической помощи, принятии.

Аналогично этому должен решаться и вопрос о получении согласия обвиняемого (подозреваемого) либо иного лица, которому оказывается юридическая помощь, на её оказание избранным третьим лицом адвокатом. Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация, явно подтверждающая факт дачи такого согласия, или конклюдентная форма, позволяющая вне разумных сомнений, открыто и достоверно прийти к выводу, что обвиняемый (подозреваемый) либо иное

лицо, которому оказывается юридическая помощь, и адвокат состоят в коммуникации между собой, и отсутствие заявленного отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту или оказание иной юридической помощи.

Когда же получить письменное согласие невозможно или согласие посредством конклюдентного поведения не позволяет достоверно установить наличие коммуникации между адвокатом и доверителем, то адвокатам следует особо тщательно подходить к вопросу о возможности принятия поручения и верификации доверителя.

В рассматриваемой ситуации Совет разделяет вывод Квалификационной комиссии о том, что избранный адвокатом Ч. способ общения с доверителем С. не давал ему достаточных оснований для вывода о том, что он (адвокат Ч.) действительно общается с С. и получает необходимую информацию именно от него, поскольку ранее он с С. знаком не был, его телефонного номера не знал, а лицо, представлявшееся С., звонило ему с использованием функции «секретный чат». При таких обстоятельствах у адвоката Ч. не было оснований приступать к выполнению поручения, предусмотренного Соглашением № ... от 23 октября 2018 года, а тем более - готовить и подавать жалобу, основываясь на информации, полученной от неустановленного «засекреченного» лица. Более того, с момента заключения соглашения до подачи на личном приеме жалобы на имя Прокурора ЦАО города Москвы прошло более одного месяца, что позволяло адвокату Ч., действуя разумно и добросовестно, найти способ для верификации звонившего ему лица, встретиться или с помощью технических средств с использованием видео-возможностей удостовериться в личности С., согласовать с ним как сам вопрос оказания ему юридической помощи на основании заключенного соглашения, так и текст подготовленной им жалобы, как это было предусмотрено условиями заключённого соглашения.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката Ч. о том, что показанная ему Г. доверенность свидетельствовала о наличии у последнего полномочий от С. на заключение соглашения с адвокатом в пользу С. Указанная доверенность, копия которой находится в материалах дисциплинарного производства, выдана от имени юридического лица на представление интересов этого юридического лица в вопросах, никак не связанных с защитой прав и законных интересов С. в уголовном судопроизводстве. То обстоятельство, что доверенность подписана С. как руководителем юридического лица, не влияет на её оценку применительно к предмету дисциплинарного разбирательства.

Что же касается содержания жалобы, то Совет признаёт обоснованным вывод Квалификационной комиссии об указании в ней, по сути, о причастности С. к хищению денежных средств ООО «...», поскольку в жалобе содержится ссылка на осведомленность С. о перечислении денежных средств с расчетного счета возглавляемого им ООО «...» по фиктивным сделкам на основании поручения В. Взаимообусловленность действий В. и С. по

перечислению денежных средств по фиктивным сделкам потенциально могла бы получить уголовно-правовую оценку с квалифицирующим признаком сговора группы лиц.

Отсутствие достоверных сведений об источнике этой информации и реальном желании С. на ее разглашение прокурору свидетельствует о ненадлежащем исполнении адвокатом Ч. своих профессиональных обязанностей перед доверителем С. и подрывают доверие к адвокатуре.

При указанных обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Ч. опровергнутой, а его вину в совершении вышеуказанных нарушений установленной.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката Ч. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно является умышленным, грубым и явно бросающим тень на честность и порядочность адвоката, подрывающим к нему доверие. Совет полагает, что недопустимое профессиональное поведение адвоката Ч. наносит вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем, Совет учитывает тот факт, что С. до настоящего времени не привлечен к уголовной ответственности, не имеет в уголовном деле процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого, каких-либо реальных негативных последствий от описанных действий адвоката Ч. не наступило. Ранее адвокат Ч. к дисциплинарной ответственности не привлекался. С учётом совокупности установленных по делу обстоятельств Совет приходит к выводу о применении к адвокату Ч. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

3. Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за принятие от другого адвоката поручения на оказание юридической помощи обвиняемой, не получив ее согласия, не убедившись в наличии у обратившегося к нему адвоката законного интереса в оказании обвиняемой юридической помощи и без заключения с ним соглашения об оказании юридической помощи.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием заявительницы Ч., представителя адвоката В., адвоката А. ...в закрытом заседании 28 мая 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката В. ...возбужденное по жалобе Ч.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 24 апреля 2019 г. адвокат В. допустил нарушение взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства») и п. 4 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в оформлении ордера... на защиту Ч. в С.

районном суде города Москвы, предъявлении его в суд 21 мая 2018 г. и в ознакомлении 21 мая 2018 г. с документами, содержащимися в материале, представленном в суд совместно с ходатайством следователя о продлении срока содержания Ч. под домашним арестом, и передаче фотокопий указанных документов адвокату С.

Представитель адвоката В., адвокат А., в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии не согласилась и дополнительно указала, что адвокат В. выполнял поручение адвоката С., являющегося его старшим партнером. При этом адвокат В. не знал, что соглашение об оказании юридической помощи между адвокатом С. и обвиняемой Ч. было расторгнуто. Адвокат С. позвонил адвокату В. по телефону и попросил сфотографировать материалы, приложенные к ходатайству следователя о продлении обвиняемой Ч. срока домашнего ареста. Действительно, адвокат В. допустил ошибку, указав в ордере, что основанием для его участия является «соглашение на защиту». Она полагает, что, если один адвокат приглашает другого адвоката для участия в деле, то они должны заключать договор поручения. Она обратила внимание на то, что действия В. «носили технический характер» и не повлекли никаких негативных последствий для обвиняемой Ч. С последним абзацем Заключения Квалификационной комиссии она согласна.

Заявительница Ч. с Заключением Квалификационной комиссии согласилась в полном объеме и дополнительно указала, что документы, которые получил адвокат В. в результате ознакомления с материалами, были переданы другим обвиняемым по уголовному делу. Именно поэтому ей было отказано в заключении досудебного соглашения.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявительницу Ч. и представителя адвоката В., адвоката А., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что в производстве следователя... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве... М. находилось уголовное дело... возбужденное по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 3 ст. 193.1 УК РФ.

22 июня 2017 г. Ч. была задержана по подозрению в совершении указанного преступления в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ. В этот же день ей было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 3 ст. 193.1 УК РФ, совершенного в составе организованной группы совместно с неустановленными следствием лицами, после чего она была допрошена в качестве обвиняемой. Защиту обвиняемой Ч. с момента ее задержания осуществлял адвокат Л. Обвиняемая Ч. от дачи показаний отказалась, воспользовавшись правом, предоставленным ст. 51 Конституции РФ.

3 августа 2017 г. адвокат С., осуществляющий свою деятельность в коллегии адвокатов города Москвы «...», вступил в уголовное дело в качестве

защитника Ч. по соглашению, предъявив ордер... на ее защиту в «ГСУ ГУВД по г. Москве».

В дальнейшем в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что организатором, руководителем преступной группы является П., имеющая регистрационный № ... в реестре адвокатов города Москвы. Указанное обстоятельство нашло свое отражение в рапорте следователя... от дела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве... М. от 10 ноября 2017 г. на имя начальника... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве...

Органами следствия в рамках расследования уголовного дела... к уголовной ответственности привлечена В-ва, которой на имя начальника... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве... заявлено ходатайство б/д о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемая В-ва обязуется изобличить организатора и руководителя преступной группы П. и иных лиц, «а также Ч., которая в настоящее время обвиняется... по данному уголовному делу, которая также причастна к совершению иных преступлений в составе организованной группы».

Постановлением следователя... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве... М. от 1 декабря 2017 г. перед прокурором города Москвы возбуждено ходатайство о заключении с обвиняемой В-вой досудебного соглашения о сотрудничестве.

Постановлением заместителя прокурора города Москвы... от 6 декабря 2017 г. ходатайство обвиняемой В-вой о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве было удовлетворено.

Впоследствии уголовное дело... расследовалось СУ по... ГСУ СК России по городу Москве и находилось в производстве следователя С-на.

3 мая 2018 г. обвиняемой Ч. на имя следователя С-на подано собственноручное заявление об отказе от адвоката С., которое было получено следователем под роспись.

14 мая 2018 г. обвиняемой Ч. следователю С-ну заявлено ходатайство о ее допросе. Указанное ходатайство подписано также адвокатом К.

Постановлением следователя С-на от 14 мая 2018 г. ходатайство обвиняемой Ч. было удовлетворено, в этот же день был проведен ее дополнительный допрос в качестве обвиняемой. В ходе указанного допроса Ч. были даны подробные показания. Допрос Ч. проводился с участием защитника, адвоката К.

17 мая 2018 г. состоялось судебное заседание С. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении срока содержания Ч. под домашним арестом... Защиту Ч. в суде осуществлял адвокат О.

В материалах, представленных следователем в суд, на листах 169–176 содержался протокол дополнительного допроса обвиняемой Ч. от 14 мая 2018 г., на листах 164 и 165 содержались ордера, выданные адвокатам О. и К.

соответственно, а на листе 167 – заявление Ч. об отказе от адвоката С. Ордер адвоката С. на защиту Ч. в материале отсутствовал.

21 мая 2018 г. адвокат В., осуществляющий свою деятельность в коллегии адвокатов города Москвы «...», представил в суд собственноручное заявление, в котором указал следующее: «В связи с заключением соглашения на защиту Ч. прошу Вашего разрешения на ознакомление с материалами дела о продлении в отношении Ч. срока домашнего ареста». К указанному заявлению адвокатом В. был приложен ордер... от 21 мая 2018 г. на защиту Ч. на предварительном следствии и в С. районном суде города Москвы.

21 мая 2018 г. на основании устного поручения управляющего партнера коллегии адвокатов города Москвы «...» адвоката С. путем личного прочтения с применением фотографирования адвокат В. ознакомился в С. районном суде города Москвы с материалами, представленными следователем в обоснование ходатайства о продлении в отношении Ч. меры пресечения. После ознакомления все полученные материалы были переданы им в электронном виде адвокату С.

22 июня 2018 г. с участием защитника-адвоката К. был произведен еще один дополнительный допрос обвиняемой Ч.

22 июня 2018 г. обвиняемой Ч. прокурору... административного округа города Москвы через следователя С-на было заявлено ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Постановлением следователя СУ по... административному округу ГСУ СК России по городу Москве С-на от 9 июля 2018 г. перед прокурором... административного округа города Москвы возбуждено ходатайство о заключении с обвиняемой Ч. досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако постановлением первого заместителя прокурора... административного округа города Москвы... от 12 июля 2018 г. в удовлетворении ходатайства обвиняемой Ч. о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве отказано. Отказывая обвиняемой Ч. в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, заместитель прокурора... административного округа города Москвы... в постановлении от 12 июля 2018 г. указала, что в ходатайстве обвиняемой Ч. не содержится информации о конкретных действиях, которые она обязуется совершить в целях содействия следствию в расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников.

24 августа 2018 г. обвиняемой П. прокурору... административного округа города Москвы было заявлено ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Ходатайство П. подписано также ее защитником-адвокатом Ко.

Постановлением следователя СУ по... административному округу ГСУ СК России по городу Москве С-на от 27 августа 2018 г. в удовлетворении ходатайства П. отказано.

3 сентября 2018 г. обвиняемой Ч. прокурору... административного округа города Москвы через следователя С-на повторно было заявлено ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Постановлением следователя СУ по... административному округу ГСУ СК России по городу Москве С-на от 5 сентября 2018 г. в удовлетворении ходатайства обвиняемой Ч. отказано. В постановлении следователя С-на указано, что с обвиняемой по тому же уголовному делу В-вой 8 декабря 2017 г. было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в результате чего 27 декабря 2017 г. В-ва изобличила П. и иных членов организованной группы в совершении данного преступления и ряда аналогичных преступлений. В то же время допрошенная в качестве обвиняемой Ч. свою вину в инкриминируемом ей преступлении не признала, новых сведений об известных следствию обстоятельствах совершенного преступления либо иных преступлениях не сообщила. Ходатайство Ч. изложено в общей форме, из него не ясно, какие именно действия Ч. обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследования преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Ранее 22 июня 2018 г. Ч. заявлялось ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. 12 июля 2018 г. заместителем прокурора... административного округа города Москвы вынесено постановление об отказе в удовлетворении указанного ходатайства.

19 декабря 2018 г. следователем СУ по... административному округу ГСУ СК России по городу Москве... С-ным вынесено постановление о привлечении П. в качестве обвиняемой по уголовному делу...

20 декабря 2018 г. с участием защитника-адвоката Ко., осуществляющего свою деятельность в коллегии адвокатов города Москвы «...», П. была допрошена в качестве подозреваемой. В этот же день ей было предъявлено обвинение в совершении четырех преступлений, предусмотренных п. а), «б» ч. 3 ст. 193.1 УК РФ. В этот же день с участием защитника-адвоката Ко. она была допрошена в качестве обвиняемой. 20 декабря 2018 г. с участием защитника-адвоката К. был произведен еще один дополнительный допрос обвиняемой Ч.

Адвокат П., являющаяся в настоящий момент обвиняемой по уголовному делу... в период с 1 апреля 2017 г. по 27 сентября 2018 г. осуществляла свою профессиональную деятельность в коллегии адвокатов города Москвы «...». Статус адвоката П. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы приостановлен с 27 сентября 2018 г.

Давая оценку действиям (бездействию) адвоката В., Совет соглашается с правовым обоснованием Квалификационной комиссией ненадлежащего профессионального поведения адвоката в описанной ситуации.

В соответствии с п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и

доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В силу положений п. 1 и 2 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгнуть или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

В силу ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в уголовном деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

Квалификационная комиссия в своих заключениях, а Совет в своих решениях уже обращали внимание на особенности заключения соглашения об оказании юридической помощи подозреваемым или обвиняемым с третьими лицами. В подобных правоотношениях наиболее проблемным вопросом является получение поручения или согласия обвиняемого (подозреваемого) на защиту его прав и законных интересов избранным третьим лицом адвокатом. Приведенные нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвокатов тщательно подходить к этому вопросу, не допуская появления сомнений в достоверности такого согласия (поручения). В связи с этим адвокатам следует обращать внимание на лиц, заключающих соглашение в интересах подозреваемых или обвиняемых.

Как правило, не вызывает сомнения ситуация, когда близкий родственник (родители, братья и сестры и др.) или супруг(-а) заключают с адвокатом соглашение на защиту подозреваемого или обвиняемого. Родственные или свойственные отношения сами по себе являются достаточным основанием для вывода о законном гуманитарном интересе, который они преследуют, заключая соглашение с адвокатом.

Между тем в ситуации, когда такие отношения между лицом, заключающим соглашение на защиту, и лицом, получающим юридическую помощь, с очевидностью не прослеживаются, адвокатам следует, проявляя разумную осмотрительность, более детально и глубоко подходить к вопросу о фиксации сведений в соглашении об оказании юридической помощи и принятии поручения.

Аналогично этому должен решаться и вопрос о получении согласия обвиняемого (подозреваемого) на защиту избранным третьим лицом

адвокатом. Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация, явно подтверждающая факт дачи такого согласия, или конклюдентная форма, позволяющая вне разумных сомнений прийти к достоверному выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат состоят в коммуникации между собой, и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о дачи согласия на защиту.

Когда же получить письменное согласие невозможно или согласие посредством конклюдентного поведения не позволяет достоверно установить наличие коммуникации между адвокатом и доверителем, то адвокатам следует особо тщательно подходить к вопросу о возможности принятия поручения и верификации доверителя.

В рассматриваемой ситуации адвокат В. допустил грубейшее нарушение норм профессиональной этики, приняв поручение на оказание юридической помощи обвиняемой Ч., достоверно не убедившись в законном интересе адвоката С., без заключения с ним соглашения об оказании юридической помощи и не получив предварительное согласие доверителя, обвиняемой Ч., на оказание ей юридической помощи, выражающейся, в том числе, в ознакомлении и фотографировании материалов, приложенных следователем в обоснование ходатайства о продлении домашнего ареста.

Совет отмечает, что адвокат В. поверхностно, халатно и непрофессионально отнесся к установлению обстоятельств, свидетельствующих о наличии у адвоката С. законного интереса в оказании обвиняемой Ч. юридической помощи. Несмотря на то, что адвокат В. знал о том, что адвокат С. ранее являлся защитником обвиняемой Ч., на момент обсуждения вопроса о возможности принятия поручения на оказание юридической помощи последней он не удостоверился в том, что адвокат С. до сих пор остается ее защитником. Как уже было отмечено, при решении вопроса о принятии поручения на оказание юридической помощи третьему лицу адвокату следует быть особо внимательным и осмотрительным, добросовестно проверяя факт наличия у потенциальной стороны соглашения законного интереса. Применительно к рассматриваемым обстоятельствам доказательством наличия законного интереса могло быть ознакомление с действующим соглашением об оказании юридической помощи и подробное выяснение у адвоката С. движения дела, вопроса о наличии или отсутствии у обвиняемой Ч. других защитников. И только после получения всей исчерпывающей информации, свидетельствующей о сохранении у адвоката С. законного интереса в оказании юридической помощи обвиняемой Ч. и невозможности ее оказания самостоятельно, переходить к вопросу о заключении соглашения об оказании юридической помощи.

Не совершив указанных выше действий, адвокат В. также не заключил с адвокатом С. соглашение об оказании юридической помощи обвиняемой Ч. и в отсутствие оснований выписал ордер с указанием не соответствующего действительности основания. Указанные обстоятельства свидетельствуют о

явном пренебрежении адвокатом В. основополагающими правилами адвокатской профессии.

Помимо этого, Совет обращает внимание, что адвокат В. не только не предпринял мер по предварительному получению согласия обвиняемой Ч. на оказание ей юридической помощи, но и не был намерен его получать. Так, согласно установленным обстоятельствам 17 мая 2018 г. состоялось судебное заседание С. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства органа следствия о продлении срока содержания Ч. под домашним арестом... 21 мая 2018 г. адвокат В. представил в суд собственноручное заявление с просьбой об ознакомлении с материалом и ордер. В этот же день путем личного прочтения с применением фотографирования он ознакомился с указанным материалом. Совет отмечает, что адвокат В. не находился в исключительной ситуации, требующей немедленного оказания юридической помощи в виде ознакомления с материалом, поскольку судебное заседание по рассмотрению вопроса о продлении срока нахождения под домашним арестом уже прошло, а трехдневный срок для подачи апелляционной жалобы уже был пропущен. Обвиняемая Ч. находилась под домашним арестом, адрес исполнения которого, очевидно, знал адвокат С. Поэтому адвокат В. не только имел все практические возможности по получению согласия обвиняемой Ч. на оказание ей юридической помощи, но и, действуя профессионально и ответственно, был обязан их реализовать.

Наконец, ознакомившись с указанным материалом и удостоверившись в том, что у обвиняемой Ч. уже имеются два защитника по соглашению, адвокаты О. и К., ордера которых находились на листах 164 и 165 соответственно, а также то, что на листе 167 имелось заявление Ч. об отказе от адвоката С., а его ордер в материалах дела отсутствовал, адвокат В. был обязан прекратить ознакомление, поскольку он получил достоверные сведения об отсутствии у адвоката С. законного интереса в поручении ему оказывать юридическую помощь обвиняемой Ч. И, тем более, после установления этих обстоятельств, адвокат В. не имел правовых и этических оснований для отправки фотокопий материалов адвокату С.

При указанных обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката В. опровергнутой, а его вину в совершении вышеуказанного нарушения установленной.

Совет отклоняет как явно несостоятельный довод представителя адвоката В., адвоката А., о том, что действия адвоката В. «носили технический характер», поскольку адвокат не является техническим сотрудником, а оказывает профессиональную юридическую помощь, при этом материалы, с которыми ознакомился адвокат В., имели существенное значение для дела и интересов заявительницы Ч.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката В. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно является умышленным, грубым и основано на игнорировании положений

законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, в указанной выше части. Вместе с тем Совет учитывает тот факт, что ознакомление адвоката В. с материалами, приложенными к ходатайству о продлении срока домашнего ареста, не повлекло за собой каких-либо правовых и иных последствий для заявительницы Ч., в том числе и в части, касающейся отказа ей в заключении досудебного соглашения, поскольку этот отказ был мотивирован иными обстоятельствами. Также Совет учитывает, что адвокат В. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. С учетом совокупности установленных по делу обстоятельств Совет приходит к выводу о применении к адвокату В. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

4. У адвоката не имелось законных оснований для заключения с другим адвокатом соглашения на ознакомление с ходатайством следователя о продлении срока содержания под стражей в отношении обвиняемой, согласие которой на оказание ей юридической помощи адвокатом не было получено, а также для представления в суд ордера на защиту обвиняемой, ознакомления с содержащимися в материале документами и передачи фотокопий этих документов другому адвокату.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката К., представителей заявителя В., адвокатов Б. ...и Бр. ...в закрытом заседании 28 мая 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката К. ... возбужденное по жалобе В.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 24 апреля 2019 г. адвокат К. допустил нарушение взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства») и п. 4 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в заключении с адвокатом У. в отсутствие предусмотренных законом оснований соглашения об оказании юридической помощи последнему от 28 декабря 2018 г. ...предусматривающего обязанность адвоката ознакомиться с документами, содержащимися в материале, представленном следователем вместе с ходатайством о продлении срока содержания В. под стражей, в оформлении ордера... на защиту В. в Б. районном суде города Москвы и предъявлении его в суд 29 декабря 2018 г., в ознакомлении 29 декабря 2018 г. с содержащимися в материале документами и передаче фотокопий указанных документов адвокату У., не являющемуся защитником В.

Адвокат К. в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии согласился и дополнительно указал, что ему надо было быть

предусмотрительным и получить согласие доверителя. Вину свою признает, но отмечает, что вред своими действиями он не нанес. Он лишь хотел выручить своего коллегу У., считая его защитником В. С адвокатом У. он познакомился осенью 2018 года. После этого совместно с адвокатом У. он участвовал еще в нескольких делах. Признает, что его действия были неправильными.

Представители заявителя В., адвокаты Б. и Бр., в заседании Совета согласились с Заключением Квалификационной комиссии. Адвокат Бр. дополнительно сообщил, что у них нет доказательств того, что полученная адвокатом К. информация из материалов стала известна третьим лицам. Он полагает, что адвокат К. неискренен. В этом деле есть контекст: при его рассмотрении в суде апелляционной инстанции аналогичная ситуация вновь имела место с участием другого адвоката. Адвокат К. не являлся защитником В. Довод о неквалифицированном оказании им юридической помощи был использован ими в жалобе на всякий случай, например, если бы в дисциплинарном производстве адвокат К. представил бы другие доказательства.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката К. и представителя заявителя В., адвоката Бр., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что в производстве старшего следователя по особо важным делам... следственного отдела Следственного управления Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации... находится уголовное дело... возбужденное 13 ноября 2018 г. в отношении В. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, а также в отношении А., А-ой и иных неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 160 УК РФ.

14 ноября 2018 г. В. был задержан по подозрению в совершении преступления в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ.

15 ноября 2018 г. В. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ.

Постановлением Б. районного суда города Москвы от 16 ноября 2018 г. в отношении В. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на два месяца 00 суток, т.е. до 14 января 2019 г.

21 декабря 2018 г. в Б. районный суд города Москвы поступило ходатайство следователя о продлении срока содержания В. под стражей...

28 декабря 2018 г. между У. и адвокатом К. было заключено соглашение... «на отдельное процессуальное действие – ознакомление с ходатайством следователя о продлении срока содержания под стражей В. в Б. районном суде г. Москвы и материалами, приложенными к нему».

Гонорар адвоката К. по заключенному соглашению составил... рублей и подлежал оплате до 10 января 2019 г.

29 декабря 2018 г. адвокатской конторой № ... коллегии адвокатов «...» адвокату К. был выдан ордер... на защиту В. в Б. районном суде города Москвы.

В этот же день адвокат К. посетил Б. районный суд города Москвы, где предъявил ордер... и распечатанное на принтере заявление, в котором указывалось следующее: «В соответствии с ордером и соглашением я осуществляю защиту по уголовному делу... возбужденному в отношении В. ...обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ. Руководствуясь ст. 49, 53 УПК РФ, интересами подзащитного, прошу предоставить к ознакомлению материал уголовного дела, возбужденного в отношении подзащитного».

Адвокат К. 29 декабря 2018 г. с применением технических средств ознакомился с материалом, поступившем в Б. районный суд города Москвы совместно с ходатайством следователя... о продлении В. срока содержания под стражей, после чего направил адвокату У. по электронной почте фотокопии документов, содержащихся в указанном материале.

У. состоит в реестре адвокатов Республики... и имеет регистрационный № ... Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Республике... 12 октября 2018 г. адвокату У. выдано удостоверение № ... В настоящем дисциплинарном производстве он пояснил, что действительно обратился к адвокату К. с просьбой о помощи в виде ознакомления с указанными выше материалами, поскольку его самого (У.) об этом попросил знакомый ему адвокат А.

По состоянию на 28 декабря 2018 г. А. состоял в реестре адвокатов города Москвы и имел регистрационный № ... А. скончался 11 апреля 2019 г.

Адвокаты У. и А. защитниками В. не являлись, в материале, поступившем в Б. районный суд города Москвы 21 декабря 2018 г. совместно с ходатайством следователя, ордера, выданные на их имя, и копии их адвокатских удостоверений отсутствовали. Указанное обстоятельство не отрицается участниками дисциплинарного производства.

10 января 2019 г. состоялось судебное заседание Б. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя о продлении В. срока содержания под стражей, которое судом было удовлетворено. Адвокат К. защиту В. в суде не осуществлял, постановление суда о продлении срока содержания В. под стражей в апелляционном порядке не обжаловал. 6 февраля 2019 г. не принимал участие в судебном заседании апелляционной инстанции Московского городского суда по делу... в котором рассматривались апелляционные жалобы защитников В. на постановление Б. районного суда города Москвы от 10 января 2019 г.

11 февраля 2019 г. в кассу адвокатской конторы № ... коллегии адвокатов «...» адвокатом К. за У. были внесены денежные средства в размере... рублей по соглашению... от 28 декабря 2018 г.

Давая оценку действиям (бездействию) адвоката К., Совет соглашается с правовым обоснованием Квалификационной комиссией ненадлежащего профессионального поведения адвоката в описанной ситуации.

Основной вопрос настоящего дисциплинарного производства заключается в оценке допустимости и этичности заключения соглашения об оказании юридической помощи между адвокатом, не являющимся защитником обвиняемого, с другим адвокатом на ознакомление с материалами, приложенными к ходатайству о продлении срока содержания под стражей, находящимися в суде.

В соответствии с п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В силу положений п. 1 и 2 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгнуть или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

В силу ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в уголовном деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

Квалификационная комиссия в своих заключениях, а Совет в своих решениях уже обращали внимание на особенности заключения соглашения об оказании юридической помощи подозреваемым или обвиняемым с третьими лицами. В подобных правоотношениях наиболее проблемным вопросом является получение поручения или согласия обвиняемого (подозреваемого) на защиту его прав и законных интересов избранным третьим лицом адвокатом. Приведенные нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвокатов тщательно подходить к этому вопросу, не допуская появления сомнений в достоверности такого согласия (поручения). В связи с этим адвокатам следует обращать внимание на лиц, заключающих соглашение в интересах подозреваемых или обвиняемых.

Как правило, не вызывает сомнения ситуация, когда близкий родственник (родители, братья и сестры и др.) или супруг(-а) заключают с адвокатом

соглашение на защиту подозреваемого или обвиняемого. Родственные или свойственные отношения сами по себе являются достаточным основанием для вывода о законном гуманитарном интересе, который они преследуют, заключая соглашение с адвокатом.

Между тем в ситуации, когда такие отношения между лицом, заключающим соглашение на защиту, и лицом, получающим юридическую помощь, с очевидностью не прослеживаются, адвокатам следует, проявляя разумную предусмотрительность, более детально и глубоко подходить к вопросу о фиксации сведений в соглашении об оказании юридической помощи и принятии поручения.

Аналогично этому должен решаться и вопрос о получении согласия обвиняемого (подозреваемого) на защиту избранным третьим лицом адвокатом. Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация, явно подтверждающая факт дачи такого согласия, или конклюдентная форма, позволяющая вне разумных сомнений прийти к достоверному выводу, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о дачи согласия на защиту.

Когда же получить письменное согласие невозможно или согласие посредством конклюдентного поведения не позволяет достоверно установить наличие коммуникации между адвокатом и доверителем, то адвокатам следует особо тщательно подходить к вопросу о возможности принятия поручения и верификации доверителя.

В рассматриваемой ситуации Совет обращает внимание на то, что адвокат У. не являлся защитником обвиняемого В. Версия адвоката К. о том, что адвокат У. якобы сообщил ему, что является защитником обвиняемого В., не нашла своего подтверждения. В связи с этим Совет обращает внимание на то, что адвокат К. поверхностно и халатно отнесся к установлению факта законной заинтересованности адвоката У. в оказании обвиняемому В. надлежащей юридической помощи в ситуации, когда он сам по уважительным причинам якобы не может ее оказать. При таких обстоятельствах законный интерес адвоката У. в оказании юридической помощи обвиняемому В. не был очевиден для адвоката К., что имело принципиальное значение при решении вопроса о заключении соглашения об оказании юридической помощи.

Помимо этого, Совет отмечает, что адвокат К. не предпринял мер по получению согласия обвиняемого В. на оказание юридической помощи в виде ознакомления с материалами, приложенными к ходатайству о продлении срока содержания под стражей. Совет обращает внимание на то, что 28 декабря 2018 г. заключено соглашение об оказании юридической помощи между адвокатом У. и адвокатом К. «на отдельное процессуальное действие – ознакомление с ходатайством следователя о продлении срока содержания под стражей В. в Б. районном суде г. Москвы и материалами, приложенными к нему». И уже на следующий день, 29 декабря 2018 г., адвокат К. с применением технических средств ознакомился с материалом, поступившим

в Б. районный суд города Москвы совместно с ходатайством следователя... о продлении В. срока содержания под стражей. При этом судебное заседание по рассмотрению вопроса о продлении срока содержания под стражей было назначено на 10 января 2019 г. Приведенная выше хронология свидетельствует о том, что адвокат К. даже не имел намерения каким-либо образом получить согласие своего доверителя, обвиняемого В., на оказание ему юридической помощи.

При ознакомлении с указанными материалами адвокат К. обязан был удостовериться в том, что адвокат У. действительно является защитником обвиняемого В., поскольку при заключении соглашения между ним (адвокатом К.) и адвокатом У. последний никаких доказательств этого обстоятельства не представил. Ознакомившись с материалами, изготовив их фотокопии и убедившись в том, что ордер адвоката У. отсутствует, адвокат К., действуя профессионально, ответственно и принципиально, должен был вновь поднять вопрос о наличии у адвоката У. законного интереса в оказании юридической помощи В. и его участии в этом деле в качестве защитника, и только исходя из достоверного подтверждения/неподтверждения этого обстоятельства принимать решение о возможности направления фотокопий материалов адвокату У. Однако адвокат К., не совершив указанных действий, переслал адвокату У. по электронной почте фотокопии документов, содержащихся в указанном материале.

Совет обращает внимание, что адвокат, являющийся защитником подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу, с согласия доверителя (включенного в соглашение об оказании юридической помощи либо специально полученного) вправе привлечь к оказанию юридической помощи своему доверителю другого адвоката, в том числе и в целях ознакомления с материалом, поступившим в суд в обоснование ходатайства следователя о продлении в отношении доверителя меры пресечения. Однако никакие из указанных условий не были соблюдены адвокатом К.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что у адвоката К. не имелось законных оснований для заключения с У. соглашения на ознакомление с ходатайством следователя о продлении в отношении В. срока содержания под стражей и приложенным к нему материалом. Тем более у адвоката К. не имелось законных оснований для ознакомления с содержащимися в материале документами и передачи фотокопий этих документов У.

При указанных обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой, а его вину в совершении вышеуказанного нарушения установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно является умышленным и основано на неверном толковании положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской

Федерации, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, в указанной выше части. Вместе с тем Совет учитывает тот факт, что ознакомление адвоката К. с материалами, приложенными к ходатайству о продлении срока содержания под стражей, не повлекло за собой каких-либо негативных правовых и иных последствий для заявителя В. Также Совет учитывает, что адвокат К. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, имеет незначительный стаж адвокатской деятельности (на момент совершения дисциплинарного проступка около 1,5 лет), раскаялся и осознал свое противоправное и непрофессиональное поведение. С учетом совокупности установленных по делу обстоятельств Совет приходит к выводу о применении к адвокату К. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.